

Для пожертвования книг храму нужен был достойный повод: например, молодым господам во сне явились усопшие предки, терпящие муки, и им нужно пожертвовать сутры для искупления их грехов; или богач желает найти хорошую партию и жаждет просить благословения у Будды; или усердный школяр от книжных трудов занемог и ищет исцеления через подношение канонов... Единственное, чего делать категорически нельзя — это чтобы хозяин книжной лавки, желая поднять продажи буддийских канонов, просил монастырских монахов рекламировать подаренные им книги.

— Скажем, что я в последнее время слишком усердно учился и занемог. Лишь пару дней назад, нарисовав лик Будды, обрел покой в душе, а потому отпечатал рисунок вместе с текстом учения в виде сутры и решил пожертвовать храму, дабы завязать благую связь с буддийской обителью.

Цуй Се задумчиво опустил глаза и, подперев подбородок рукой, продолжить:

— Учитель как раз дал нам два дня отдыха по случаю жертвоприношений в Храме литературы и военного искусства, а потом у меня уже не будет свободного времени. Воспользуюсь этой передышкой и съезжу в тот храм на востоке города. Заодно договорюсь, чтобы на праздник Цинмин они прочли несколько свитков канонов во избавление от бед и бедствий для моей покойной родительницы...

Его взгляд вильнул в сторону, устремившись в кусочек ясного неба за окном, а голос стал совсем тихим:

— И пусть прочтут пару свитков, чтобы помолиться о благополучии для меня самого.

Сам он в суеверия верил мало, но, оказавшись в чужом теле, был не прочь отдать дань местным обычаям: заказать молитвы за прежнего владельца этого тела, вымолить для Сяо Цуй Се спокойное следующее перерождение — да и просто ради собственного душевного спокойствия.

Управляющий Цзи молитвенно сложил ладони, пробормотал имя Будды и с улыбкой молвил:

— Все именно так, хозяин. Своим искренним благочестием вы непременно снискаете покровительство Будд и бодхисаттв, и наше дело процветет. Вот только для молебна нужно передать храму имя подносителя и его восьмисловную астрологическую карту — «бацзы». Монахи запишут эти данные на листок и вознесут перед ликом Будды, и лишь тогда молитвы возымеют силу: отведут беду, очистят от грехов и продлят годы жизни. Заготовьте заранее записку, господин, и возьмите с собой в обитель.

Цуй Се еще не знал дат рождения прежнего владельца тела и его матери, поэтому, вернувшись к себе, спросил у Цуй Юаня и его сына, как правильно составлять такую записку. Пэн Янь знал бацзы своего господина, но понятия не имел о дате рождения покойной хозяйки — помнил лишь, что она скончалась от тяжелых родов, так что день её памяти совпадал с днем рождения самого Цуй Се. Цуй Юань в молодости слушал приказания Цуй Цюэ и помнил лишь, что госпожа Лю вышла замуж в шестой год эпохи Тяньшунь, однако сколько ей тогда было лет, не ведал: дни рождения молодых жен в семье особо не праздновали, так что точная дата ее рождения осталась неизвестной.

В итоге на карточке для поминального молебна госпожи Лю пришлось написать лишь: «Уверовавшая мирянка Цуй-Лю из уезда Цяньань, проживавшая в таком-то районе, таком-то квартале, таком-то ряду, год рождения не помнит, скончалась в пятый год эпохи Чэнхуа, тридцатого дня второго месяца, в час Дракона». А для Цуй Се на отдельном листке указали адрес и его бацзы, после чего обе записки убрали в шелковый кисет. Выход в свет в те времена

требовал долгих приготовлений, совсем не так, как в современности. Весь этот день в доме собирали книги, отсчитывали серебро, окуривали благовониями новые одежды, и только на следующее утро они отправились в храм в экипаже.

Храм Сюаньцзюэ располагался к северо-востоку от уездной управы. Еще за пол-улицы до него выстроился шумный ряд лавок и лотков: здесь продавали желтую и белую ритуальную бумагу, свечи и благовония, живые цветы, курительницы, жертвенные фрукты и сладости, буддийские каноны, позолоченные и серебрёные статуэтки Будды, гадали по жребию, а среди всего этого пёстрого великолепия теснились съестные лавки... Миряне и монахи, даосы и торговцы — людской поток гудел и бурлил, точно на ярмарке.

Цуй Се с Пэн Янем всю дорогу прилипали к окну экипажа, время от времени шепотом обсуждая, у кого из торговцев пористая паровая лепёшка нарезана толще, а у кого в чайный отвар щедрее положена начинка, намечая, куда заглянуть за угощением на обратном пути из храма.

Их повозка и наряды выглядели довольно скромно, однако Цуй Се от природы отличался привлекательной внешностью и обладал выправкой человека, привыкшего к большим событиям, отчего заметно выделялся в толпе богомольцев. Монах, встречавший гостей, сам подошел к ним. Заметив, что они привезли хорошие благовония, а их пожертвование на монастырские нужды состоит не из мелкой монеты, а из цельного слитка чистого серебра с узорными нитями, он проникся к ним особенным почтением и поинтересовался, пришли ли они лишь совершить воскурение или желают возжечь лампу вечного света, пожертвовать каноны или заказать обряд Великого освобождения душ...

Цуй Се благоговейно сложил ладони и с искренним видом ответил:

— Кошелек мой весьма тощ, и мне не сравниться с по-настоящему щедрыми благодетелями. Однако в моей семье было отпечатано сто свитков «Алмазной сутры», и я бы хотел пожертвовать их вашей обители, чтобы завязать благую связь. К тому же в следующем месяце наступит праздник Цинмин, и я бы хотел просить почтенных монахов прочесть несколько свитков для моей покойной родительницы, дабы избавить ее от страданий, а заодно прочесть несколько молитв за меня, накапливая добродетель для будущей жизни.

Монах-приемщик сложил ладони и прославил Будду Амитабху:

— Раз у благодетеля такое чистое помышление, это уже великая заслуга.

Коли уж перед ним стоял благодетель, принесший в дар сутры, не гоже было держать его во дворе. Монах провел его в покои для гостей, велел послушнику принести из задних построек книги, а сам остался составлять компанию. В гостевом доме подали отменный ароматный чай, а молодой послушник расставил на столе несколько блюдец с припасенными с прошлого года кедровыми и лесными орехами, сушеными финиками, каштанами и монастырскими тянучками «драконий ус» к чаю.

Угостив гостя чаем, монах поинтересовался:

— Откуда же прибыл благодетель?

Цуй Се на секунду задумался, не пытается ли монах вести с ним чаньские иносказательные беседы, но тут же вспомнил: монахи-то, может, и мастера вести мудрые иносказания, а вот он сам — нисколько! Хотя на эту фразу он еще мог бы выдать шаблонное «прибыл оттуда, откуда прибыл» или даже закрутить нечто вроде «облака в синем небе, вода в кувшине», но

продолжать в том же духе у него явно не хватит познаний.

К чему усложнять? Проще притвориться простым и искренним мирянином — сколько бы иносказаний ни скрывалось в словах собеседника, принимать их стоит за чистую монету!

Приняв решение, он слегка наклонил голову и ответил:

— Я прибыл из квартала Цзигунхаои. Наш скромный дом — это семья Цуй, что сразу за памятной аркой.

Кто бы мог подумать, что монах-приемщик окажется столь же прямым человеком, не склонным к чаньским загадкам. Услышав его слова, он со вздохом воскликнул:

— Неужто благодетель — тот самый хозяин дома у арки Цзигунхаои, почтенный праведник Цуй, осыпанный похвалами самого двора? Тот самый праведник Цуй, разгромивший злонравных еретиков из Учения Белого Лотоса?!

С каждым его словом Цуй Се лишь смиренно кивал. Под конец монах даже вскочил на ноги, его глаза вспыхнули ярким блеском. Сложив ладони, он прочел молитву:

— Бедный монах давным-давно восхищается вашей доблестью, но и помыслить не мог, что сегодня увижу вас воочию! Вы оказываетесь куда более благородным и статным, чем гласят предания!

Цуй Се показалось, будто над его головой зависли три огромных вопросительных знака. Он искренне не понимал, с какой стати монастырскому монаху восхищаться человеком, получившим высочайшую похвалу за воинские заслуги. Заметив его растерянность, монах с улыбкой пояснил:

— Эти еретики из Учения Белого Лотоса дерзнули прикрываться именем Будды Майтреи, творя чудовищные бесчинства и пороча доброе имя нашей буддийской обители. Они истинные враги веры! Праведник Цуй сумел схватить главаря тех злодеев и избавил нас от этой напасти, осквернявшей святыни, да еще и очистил улицы от лживых речей и еретических книг — бедный монах от всего сердца искренне восхищен вашим подвигом!

«Выходит... это война между сторонниками канона и любителями исказить оригинал?» — подумал Цуй Се. Монахи не обладали боевой силой и не могли тягаться с Белым Лотосом, подстрекавшим народ к бунту. И поскольку за ним закрепилась слава человека, помогшего схватить еретиков, настоящие монахи прониклись к нему глубокой благодарностью?

«Нет-нет-нет, основную работу выполнили Цзиньивэй, нельзя присваивать чужие заслуги!»

Цуй Се торопливо возразил:

— В действительности тех еретиков ранил и схватил господин Се, цянху из Цзиньивэй. Я же просто случайно оказался рядом и чудом спасся от рук злодеев.

Монах со вздохом ответил:

— К чему праведнику так скромничать? Бедному монаху довелось проходиться под аркой Цзигунхаои. На каменной стеле рядом черным по белому высечено, что вы, благодетель, сражались не щадя жизни и лично ранили злодеев! Да и один благодетель, знакомый с нашим настоятелем, сказывал, что у вас на теле до сих пор остался глубокий шрам!

Он провел рукой ниже шеи, затем вдруг слегка прищурился и озабоченно спросил:

— Вы пришли сегодня в наш храм... уж не навредили ли вам те еретики своими чарами? Не беспокойтесь! Хотя наша обитель и не принадлежит к числу великих храмов, возведенных по высочайшему повелению императора, но стоит здесь еще с конца эпохи Тан и славится своей чудодейственной силой. Если вам нужно избавиться от сглаза и порчи, я немедленно всё устрою, и в ближайшие день-два монахи начнут читать над вами молитвы!

Цуй Се поспешно ответил:

— Не смею беспокоить мастера! Душа моя чиста, и никакая нечисть не дерзнет ко мне подступиться. Я пришел сегодня в обитель лишь потому, что в прошлые дни из-за усердных трудов над книгами сильно изнемог и потерял сон. Но позже, дабы помолиться за здоровье моих дедушки и бабушки, я переписал «Алмазную сутру», и с тех пор усталость стала проходить. Увидав такое чудо, я попросил домашних отпечатать несколько свитков канона, дабы принести их в дар вашей обители.

Пока они беседовали, монастырский слуга принес книги на показ. Цуй Юань тоже подошел и остался ждать в соседнем покое. Цуй Се лично открыл сундук, достал тонкий свиток канона, обернутый в красный шелк, и произнес:

— Настоятель, прошу принять эти сто свитков сутры.

Для издания выбрали перевод мастера Кумарадживы. Всего в нем насчитывалось чуть более пяти тысяч иероглифов. Вместе со свитками, двумя иллюстрациями в начале и в конце, а также восхвалениями, дхарани и призывными молитвами, книга получилась совсем тонкой. Все сто экземпляров вместе заняли лишь один небольшой сундучок.

Монах поблагодарил его, бережно взял свиток и стал внимательно разглядывать, от души восхищаясь про себя. Хотя этот вариант «Алмазной сутры» семьи Цуй был отпечатан не на темно-синей бумаге золотой тушью, его переплет обтянули ярко-красным шелком, а на обложках красовались цветные рисунки. Лики на изображениях выглядели исполненными величия и благоговения, а между складками гармоник были отпечатаны крошечные изображения ритуальных предметов — всё сделано невероятно изящно.

Он только собрался похвалить Цуй Се за аккуратный переписной почерк и прекрасную рисуночную работу, как вдруг вспомнил, что тот только что назвал книги отпечатанными, а вовсе не рукописными.

<http://bllate.org/book/18372/1761291>